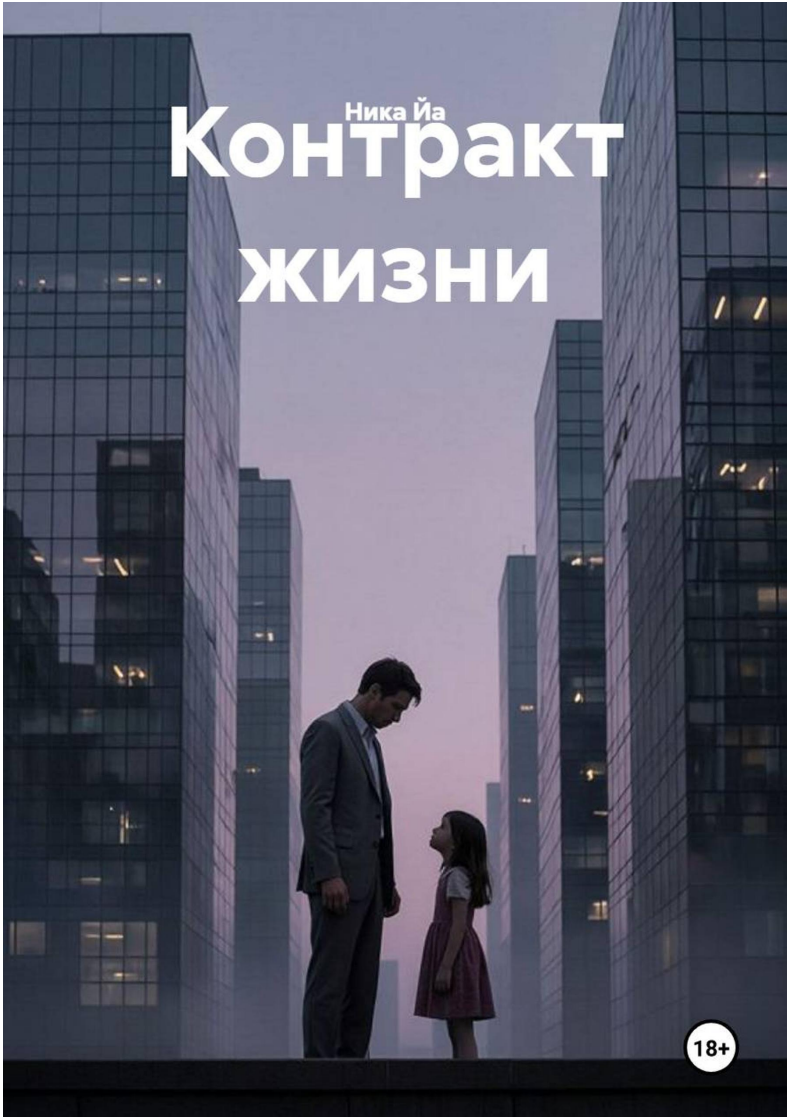
Ника Йа

Контракт жизни

18+

Ника Йа
Контракт жизни

https://litres.ru/74880432
SelfPub; 2026

Аннотация

«Контракт жизни» — это антиутопия о цене прогресса, о вине, которую невозможно искупить, и о любви, которая не спасает, но даёт силы жить. Это история о человеке, который каждый день выбирает между совестью и выживанием — и о девочке, которая просто хочет, чтобы папа был рядом.

Он винтик системы, где бедные отдают себя по частям, чтобы богатые жили дольше. Десять лет он глушит совесть таблетками и бессонницей.

Ника Йа
Контракт жизни

«КОНТРАКТ ЖИЗНИ»
ГЛАВА 1.

Запах этанола, медицинских препаратов и дезинфицирующих средств стал здесь настолько привычным, что уже давно не вызывал ни отвращения, ни удивления. Белоснежные стены, выложенные гладкой плиткой, отражали бесконечный поток людей: медперсонала, посетителей, будущих доноров. За окном хлестал дождь, и его дробный, навязчивый ритм заставлял невольно задуматься о чём-то неизбежном. Осенью часто была такая отвратительная погода.

В кабинете было тихо. Лишь монотонное клацанье клавиш ноутбука нарушало гробовое молчание. Взгляд Иннокентия то и дело метался между экраном и сидящим напротив парнем. Его тёмно-карие глаза - густые, почти чёрные, как ночная пелена, - казались стеклянными и пустыми. Будто жизнь сыграла с ним уже не одну жестокую шутку и оставила лишь выжженную пустоту. Прочистив горло, он сложил руки на столе и посмотрел на двадцатилетнего юношу. Лицо его оставалось непроницаемым, и парень невольно съёжился под этим холодным, оценивающим взглядом. Парень выглядел уставшим до предела и очень неопрятным: вытянутая майка, рваные джинсы.

- Одна почка и пол-литра донорской крови снимут ваш долг. Анализы у вас хорошие. Частичное донорство - наиболее щадящий вариант. - Голос у Иннокентия был низким, размеренным, но за маской профессионального безразличия иногда проскальзывали нотки усталого сожаления. Впрочем, это не меняло сути. Каждый день озвучивать такие приговоры было не самым приятным в его жизни.

Он поднялся, достал из комода стопку бланков, снова сел и, глубоко вздохнув, принялся их заполнять. Юноша дрожащей рукой взял протянутые бумаги. Его взгляд упал на строчку: «Инвалидность...». Комок подступил к горлу - он не мог выдавить ни слова.

- Подпишите здесь и здесь. Процедура завтра. Пройдите в кабинет номер 10 для всех необходимых обследований, специалисты подскажут, для дальнейших действий . - Иннокентий говорил сухо, по-деловому. Он никогда не называл этих людей врачами. Слишком величественно звучало бы это слово для тех, кто ежедневно отправляет людей под нож, обрекая их на инвалидность и не только. Главное - чтобы показатели здоровья были удовлетворительными. Остальное - вопрос техники.

Парень поставил подпись, поднялся на ватных ногах, коротко и почти благодарно кивнул и вышел.

«Что-то в выражении лица этого парня было знакомое. Какие-то черты, напоминали, как будто я уже подписывал этому человеку приговор...»

Иннокентий откинулся на спинку стула, заломил руки за голову и шумно выдохнул. Бессонница мучила его почти каждую ночь. Антидепрессанты сбивали тревогу, но взамен забирали последние крохи живых эмоций. Он устало потёр лицо ладонями и покосился на часы. *«Ещё немного... скоро домой»,* - подумал он без особой надежды.

Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял мужчина лет семидесяти. *«А вот и начальник сей конторы»,* - Иннокентий мгновенно выпрямился, сбросив расслабленность. Тот улыбнулся лукаво, уселся напротив и заговорил своим густым, прокуренным баритоном. Его нельзя было назвать стариком, по нынешним меркам, это был человек порядочной должности и имел весьма удовлетворительную заработную плату. На лице куратора не было не единой морщинки, кожа была ровного тона, а о его осанке можно было только завидовать. *«Хорошая наверное у него зарплатка-то, а была бы плохая так не выглядел бы...»* Он долго и нудно перечислял новых должников, которые в ближайшее время пополнят список «частичных доноров», и говорил об этом так, будто речь шла о плановой поставке запчастей.

-На сегодня твой рабочий день, практически закончен, прими одного старика, и можешь быть свободен. - подытожил Константин Эдуардович, натягивая на лице ехидную улыбку, не предвещающую ничего хорошего. Он поднялся, но вдруг остановился у двери и добавил расчетливым и пренебрежительным тоном:

-Работать нужно качественно, без сожалений, не сюсюкайся с будущими донарами, смотри на них как на товар. От тебя зависит не менее важная часть работы, чтобы сделать жизнь людей лучше. -Он вышел, оставляя Иннокентия на едине с этими мыслями.

Дверь закрылась. Иннокентий остался один. И мысли, которые он подавлял целыми днями на протяжении десяти лет с момента революции, хлынули наружу.

Когда это стало нормой? Когда здоровье превратилось в валюту, а люди - в сырьё? Система говорила о прогрессе, о развитии, о великом будущем. Но какой ценой? Бедные стали донорами. Богатые - буржуями. Первых называли «сирыми» - и в этом слове звучало всё: и жалость, и презрение, и страх.

Девяносто девять процентов сирых заканчивали свой путь инвалидами. В лучшем случае. В худшем - их разбирали по частям. Понятия «обновить орган», «подправить здоровье» для богатых были так же обыденны, как поход в магазин. Они покупали не только вещи, не только комфорт. Они покупали *время*. Чужое время. Чужую жизнь.

А бедные подписывали контракты. На учёбу, на жильё, на работу. И мелким шрифтом было написано: *«В случае невыплаты - частичное или полное изъятие органов»*. Они работали как проклятые. Но платили не деньгами. Собой.

Буржуи же считались «двигателями прогресса». Только они могли сделать страну великой. И чтобы они жили доль-

ше, сирые должны были как не как, хотя бы косвенно, помогать - отдавая себя, полностью или частично. Быть инвалидом или просто исчезать - бесшумно, без пафоса, под графой «утилизация».

Болезни стали не трагедией, а инструментом. Чтобы одни жили вечно - другие должны были отдать всё.

Раньше это называлось чёрным рынком. Теперь - «Контрактом жизни».

Иннокентий посмотрел на свои руки. Те самые руки, которые только что подписали приговор двадцатилетнему парню. Он сжал их в кулаки.

«Ты тоже часть этой системы, - сказал он себе. - И ты не лучше их».

За окном всё так же хлестал дождь. Завтра будет новый день. Новые доноры. Новые подписи.

Иннокентий встал, подошёл к окну, приоткрыл форточку. Взгляд упал во двор. На лавке сидел тот самый юноша. Обречённый. И это только начало. Он ещё так молод, но в глазах системы он - выгодный товар для роста государства. Юноша сидел с опущенной головой, плечи его едва вздрагивали от сдерживаемых рыданий.

Из заднего кармана джинс он достал пачку сигарет, дрожащими пальцами вытянул одну, прикурил. Сделал затяжку. Выдохнул дым в открытое окно.

«Мозгоправ же говорил завязывать…» - мелькнуло у него в голове. Наверное, вспоминал врача. Хотя сейчас ему было

не до того. Он чувствовал себя неимоверно плохо.

«Почему я такой? Почему я не могу быть сильным? Какого черта моя жизнь - сплошное недоразумение?» - выпалил он шёпотом, шипя от злости и усталости.

Сигарета истлела. Он выбросил окурок и начал отчаянно тереть лицо ладонями - будто пытался стереть с себя этот день.

ГЛАВА 2.

Замок проворачивался, издавая своеобразный ряд щелчков. Дверь открылась, Иннокентий зашёл домой. Только он успел переступить порог, как ему в объятия бросилась его двенадцатилетняя дочь Есения. Длинные шоколадные волосы спускались с плеч, маленькое худощавое телосложение делало её более миниатюрной и младше на свой возраст.

- Папа... - протянула девочка, не выпуская отца из хватки, - я так скучала... - она держала его так крепко, будто не виделась с ним несколько лет.

Он аккуратно подхватил её под бёдра и притянул к себе, крепко обнимая, держа на руках. Одна рука держала её под ногами, а другая опустилась на спину девочки и ласковыми методичными движениями похлопывала:

-И я скучал, солнышко, - сказал он несвойственным для него мягким и заботливым голосом, полным любви и нежности, который принадлежал только дочери. - Как твоё самочувствие?

Девочка опустила взгляд и добавила тихо, будто уходя от

ответа:

- Не знаю, нормально, наверное. Просто кажется, что сердце громко звучит.

Голос был таким виноватым и потерянным. Она уткнулась в шею отца и добавила дрожащим голосом:

- Пап, а пап, слышишь? Я не хочу умирать. Когда я была маленькой, помнишь? Перед операцией ты говорил, что у меня тоже сердце так стучало... Мне страшно...

-Перестань, ты не умрёшь, — сказал он жёстче, мгновенно напрягаясь, разрушая тем самым приятную семейную атмосферу. Мужчина аккуратно поставил дочь на пол и присел на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне глаз. Аккуратно взяв её маленькие руки в свои, он продолжил: - Ты наблюдаешься в квалифицированной клинике, врачи контролируют твоё состояние. - Он вздохнул глубоко, его карие глаза опустили взгляд с лица дочери на едва видную бугристую полосу, идущую вдоль грудной клетки. Шрам было видно в вырезе футболки. В шесть лет она перенесла первую операцию. Порок сердца преследовал её с самого детства, не давал спокойно жить, ограничивал. - Ничего с тобой не случится, я с тобой.

- Обещаешь? -спросила чуть слышным голосом.

Отец немного нахмурился и отвёл взгляд:

- Да... я обещаю... - сказал он слишком жёстко, чем ему хотелось бы. Он встал, снял с себя верхнюю одежду и ушёл на кухню. Какая-то музыкальная программа на телевизоре

помогала уйти от реальности, находясь будто на паузе в этом мире, полном страха, боли и неопределённости. Используя незамысловатые кулинарные способности, спустя час ужин был готов, и с кухни раздался громкий голос отца:

- Сеня, иди ужинать.

Расставляя тарелки, из коридора послышалось тихое шарканье, силуэт девчонки появился в дверях. Оба сели ужинать. Тишина сопровождалась тихими звуками жевания. Есения ела медленно, недовольно ковырялась в тарелке с пастой.

- Настолько невкусно? — поинтересовался Иннокентий между кусками еды, асимметрично поднимая бровь, потом добавил: — Мне кажется, ты совсем исхудала в последнее время.

Девочка пожала плечами, потупив взгляд в тарелку.

- Что случилось-то? — свёл брови к переносице мужчина, хмурясь на дочь.

- Я соскучилась... — сказала она виноватым полушепотом, голос предательски дрогнул на последнем слоге слова.

Он сжал вилку в руке до побелевших костяшек. Дочь нервно заёрзала на стуле, зная, что это больная тема для отца. Он посмотрел на свои руки. Те самые руки, которые сегодня подписали приговор двадцатилетнему парню. И сейчас они сжимали вилку, потому что он не мог сжать кулаки при дочери.

-Прости, - прошептала она, смотря на него с горечью, в

его пустые безжизненные глаза, - я не...

- Не извиняйся, - отрезал он. - Доедай и ложись спать, уже поздно.

Девочка съёжилась под таким тоном и, поставив тарелку в раковину, ушла в свою комнату.

«Когда, когда черт побери это всё кончится...» - простонал он тихо, устало потирая виски.

Шум падающих капель имел некое свойство расслабления. Холодный поток освежающей воды стекал по его телу. Плечи были до безумия напряжены, и сердце колотилось неимоверно быстро. В голове крутился непрерываемый поток мыслей, который не давал ни расслабиться, ни побыть хорошим отцом для подрастающей дочери.

Он запрокинул голову, и струя воды ударила ему в лицо, разлетаясь в разные стороны маленькими каплями и тем самым прилипая по лбу его каштановые волосы. Мужчина тряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли, или, проще говоря, воспоминания, которые возвращались как по расписанию. Каждый год, каждый месяц, каждую неделю. С того дня...

«-Да пошла ты к чёрту, думаешь, мне оно надо, эти все проблемы? Думаешь, я..? Я что ли виноват в этом делении людей! Я просто их пешка! - рявкнул я в трубку ей. Как тогда, я не чувствовал себя никогда настолько раздражённым или же разочарованным.

-Да сколько мне ещё нужно пытаться донести? Хочешь,

чтобы я на коленях перед тобой ползала? Почему тебе так сложно понять меня? - Её пронзительный и истошный визг, по ощущениям, мог бы заставить лопнуть ушные перепонки. Половину слов её я не расслышал, потому что погода в тот день была отвратительная, уж хуже не придумаешь: ветер завывал в трубку с неимоверной силой, а дождь барабанил что есть мочи, отдаваясь гулом. Глубоко выдохнув, пытаясь контролировать новый всплеск эмоций, я продолжил, чтобы с ней поговорить:

-Стеша, а? Стеша, послушай меня, пожалуйста, - помню, попросил я очень тихо и спокойно, будто пытался приручить дикого зверька, который всего боится, хотя это и была моя жена.

- Что? - раздалось с противоположного конца трубки - глухой и безжизненный ответ.

- Я.., — начал я, не зная, как вообще о таком нужно говорить, - ты знаешь, Стешенька, я тебя очень люблю, но пойми меня, я ничего не могу сделать с этой системой. И.. Просто от того, что твоя подруга по своей же вине лишится почки... - я замолчал. Это было ужасно. Я не мог ничего сделать с тем, что её подруга задолжала денег и никому об этом не сказала. Из-за чего мне и пришлось подписывать ей бланк на донорство почки. Да... Её подруга сама виновата в этом, что никому не говорила об этом, но Стеша решила, что виноват в инвалидности её подруги именно я. По моей спине пробежал холод. Мне показалось, буд-

то телефон упал на землю, я не слышал больше ничего с её стороны трубки. Наверное, я слишком зло ей это сказал, она меня теперь точно не простит. - Стеша, - неловко продолжил я, мне было так стыдно на тот момент, хотелось будто провалиться сквозь землю. Тут мне показалось, что на этом моя жизнь будет окончена, я услышал тихий женский вскрик, едва слышный, чуть живой. Такого не могло случиться...

Я собрался очень быстро и поехал в сторону квартиры её лучшей подруги, к которой она часто ездила в гости. Дочь осталась одна, ей уже девять было на тот момент. Я обомлел, это было самое ужасное зрелище. Сердце будто остановилось, и в ушах стоял звон, сравнимый со взрывом. Голова будто разламывалась на атомы. Придя в себя, я выбежал из машины, бегом направляясь к жене, или уже к трупу её тела. Перед ней я рухнул на колени и судорожно начал трясти её за плечи. Я горланил как больной изо всех сил, умоляя её очнуться, но, видимо, я опоздал. Как всегда. Опоздал на первое с ней свидание, на концерт дочери, на нашу свадьбу, и, видимо, на дату её смерти мне пришлось опоздать. Весь её затылок был окровавлен, пульса не было, её кожа была бледной, мертвенно бледной. Я взял её обмякшую и бесчувственную руку и приложил к своему лбу. Её пальцы были неестественно холодными, что заставило меня вздрогнуть. Я отчаянно начал шептать, будто молился, прикрывая глаза...

«Почему? Когда это всё закончится, не оставляй меня, прошу... я.. Не справлюсь без тебя, любовь моя...» - я не знаю, кого именно на тот момент я умолял, мне не забыть тот день. Тот разговор. Как помню, у меня не было даже собранной речи, оно и очевидно. Голос срывался на каждом втором слове.

Поодаль стояла пожилая женщина, вызвавшая полицию. Относительно придя в себя, я спросил у неё чуть позже, видела ли она, как произошло ДТП. Старушка рассказала, что она выбежала на дорогу не глядя, швырнув телефон, и её сбил грузовой автомобиль.

Приехала полиция, началось оформление...

Когда я вернулся домой, Сеня ещё не спала, мне пришлось ей рассказать только часть правды о смерти любимого человека. Я никогда, никогда не видел её в настолько ужасном состоянии. Она закрылась от всего мира, изолируясь, не говоря напрямую о своих эмоциях. Спустя годы работы с психологом она стала более открытой. Но каждый раз, когда она говорит, что соскучилась, её детские невинные глаза заливаются невыносимой болью, страданием и отчаянием. Я хочу быть хорошим отцом, несмотря на должность, но в итоге получается только всё портить. Я просто хочу, чтобы она была хоть иногда счастливой, хотя бы могла почувствовать, несмотря на боль. Но пока я не помогу себе, не смогу помогать другим.»

Горло раздирало от подступающих слёз, он кусал до кро-

ви нижнюю губу, чтобы сдержать поток эмоций: *«Не думай, ты не можешь...»* -тихо ныл он себе под нос. В груди будто нарастал камень тяжести, с каждым воспоминанием, уже на протяжении трёх лет, он всё рос и рос. Наверное, когда-нибудь он достигнет неимоверных размеров, что тогда и вправду понадобится помощь не того, кто будет выписывать таблетки и лечить, а того, кто научит заново любить и жить. Но как, если её уже нет и не будет. Никогда.

Лёжа в своей постели, он всё ещё был с головой погружён в свои мысли. Дочь уже спала или делала вид. Было столько нерешённых проблем, но все они казались косвенными. Рука потянулась к прикроватной тумбочке и нащупала телефон. Открывая телефонную книжку, во вкладке «избранное» красовался контакт «Полторашка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.